

О ЕДИНСТВЕ ВРЕМЕННОГО ПЛАНА В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ

И. Н. ДЫМАРСКАЯ-БАБАЛЯН

Известно, что законченную мысль выражает не отдельное предложение, выделенное из контекста, а **определенный отрезок речи или группа предложений, семантически и синтаксически связанных между собой**. Такая «сверхфразовая» единица и называется в современной синтаксисе **сложным синтаксическим целым**.

Сложное целое — это ряд последовательно расположенных в речи предложений, находящихся в определенных смысловых и грамматических отношениях друг с другом, то есть объединенных единством смысла и грамматическими закономерностями.

Как и предложение, сложное синтаксическое целое обладает своими специфическими структурно-семантическими и интонационными признаками, качественно отличными от признаков предложения.

Специфика каждой из указанных синтаксических категорий и определяет их как единицы различных синтаксических уровней. С точки зрения смысла сложное синтаксическое целое по сравнению с отдельным предложением (даже сложным) выражает более полное развитие мысли. В отличие от предложения, такая «сверхфразовая» единица «служит, — по словам Н. С. Поспелова, — для выражения сложной и законченной мысли» и имеет в «... составе окружающего контекста относительную независимость, которой лишено отдельное предложение»¹.

В составе сложного целого различные предложения, разнообразные по структуре, свободно присоединяясь друг к другу, связаны преимущественно по смыслу, причем каждое последующее предложение, развивая содержание предыдущего, в комплексе раскрывает какую-нибудь микротему текста.

Естественно, что в структуре сложного предложения связь между составляющими компонентами осуществляется более регулярно и формализованно. Компоненты же текстового единства являются более самостоятельными, и потому и связь между ними менее тесна, то есть формально менее выражена. И все же смысловая обусловленность составных частей сложного целого с необходимостью предполагает и наличие грамматических способов выражения этой связи.

Одним из важнейших показателей смысловой цельности синтаксических единств является выражаемая ими общность временного значения.

О том, что временной план — категория «текстовая» свидетельствует прежде всего то, что временные формы, как правило, наполняются конкретным содержанием в контексте, «не вмещаясь» в пределы изолированного предложения.

1) Такова функция настоящего исторического, свойственная не отдельному предложению, а только отрезку текста (или тексту в целом), в котором раскрывается ситуация прошлого.

Это обычная форма повествования, «живого рассказа о прошедших событиях, которые изображаются так, как будто они разворачиваются у нас на глазах»².

¹ Н. С. Поспелов. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР, 1948, вып. 2, с. 53.

² А. Б. Бондарко, Л. Буланин, Русский глагол, 1967, с. 104.

Происходит так называемый «контекстный перенос» («употребление одного времени вместо другого»), где связь с контекстной временной ориентацией осуществляется в широком плане путем приравнивания к тому моменту прошлого, который берется за основу временных отношений текста в целом, а также с помощью параллельно употребленных наряду с формами настоящего времени форм прошедшего времени, играющих в данном случае роль **ключевых (опорных) временных показателей**, обуславливающих в то же время временной план того или иного отрезка текста.

О возможности реализации настоящего исторического в широком контексте, «когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого», говорил в свое время академик В. В. Виноградов, видя в таких случаях в формах настоящего времени «субъективное смещение перспективы времени»³, причем здесь весьма существенно то, что форма глагольных сказуемых остается в пределах морфологического значения настоящего времени и лишь по своей синтаксической функции она относится к временному плану, то есть к тому моменту, который принимается в повествовании за основу временных отношений. Например:

Зажмурившись и не открывая глаз, чтобы не потерять его образ, она быстрыми шагами подошла к кровати и легла лицом в прохладную, пахнущую утюгом подушку...

И между действиями я непременно, ну непременно захожу к нему, а все его товарищи **раступаются и спрашивают у меня...** А потом нам **приносят на хрустальном блюде еще бутылки с малиновым лимонадом...** И опять я **иду по длинному коридору в партер...** Ей стеснило дыхание (Герман, Наши знакомые)

Здесь в качестве временного «индикатора» выступают формы глагола в вводящем в контекст предложении, а также во фразе, завершающей сложное целое. Немаловажно отметить, что в данном отрывке смещение временного плана сопровождается переходом сообщения от одного участника коммуникации к другому (некоммуникативный объект речевой ситуации—3 лицо—в последующем повествовании становится основным участником ситуации —говорящим лицом—с дальнейшим его переходом опять в некоммуникативное лицо).

Зачастую в тексте между глагольными формами настоящего переносного и так называемыми «временными индикаторами» (формами прошедшего времени в прямом значении) устанавливаются отношения синонимии:

Я пошел к Беликову. Он лежал под пологом, укрытый одеялом и молчал; **спросишь его, а он только да или нет — и больше ни звука.** Он лежит, а возле бродит Афанасий...

(Чехов, Человек в футляре)

Второй существенный момент в специфике переноса прошедшего в настоящее заключается в смещении длительности самого процесса, как правило, формами, приуроченными к моменту речи (как к исходной временной основе). Передаются события и факты, имевшие место в прошлом в течение длительного времени (или повторяющиеся в прошлом). Настоящее переносное как бы «смещает временную перспективу», «сжимает» ее, чтобы представить весь длительный процесс как ряд событий, совпадающих с моментом повествования.

Художественные тексты при этом отличаются стилистической отмеченностью: повышенной эмоциональностью и экспрессивностью.

Например: Ясный зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе... Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном... Но Наденька боится... У нее замирает дух. Немного погодя она приходит в себя... Мы взбираемся по лестнице на гору. Опять я

³ В. В. Виноградов, Русский язык, Грамматическое учение о слове, М., 1957, с. 572—573.

сажаю бледную, дрожащую Наденьку в санки, опять мы летим в страшную пропасть, опять ревет ветер и жужжат полозы... На другой день утром я получаю записочку...

(Чехов, Шучочка)

В тексте подчеркнуты показатели продолжительности и повторяемости действия, контрастирующие с приуроченностью его к моменту речи.

Весьма характерно также для связанных отрезков текста употребление настоящего-будущего совершенного при обозначении событий прошлого:

Над вами, кругом вас — всюду туман... Но вот ветер слегка шевельнется, и клочок бледно-голубого неба смутно выступит...

(Тургенев. Записки охотника)

«В подобного рода случаях, — пишет А. В. Бондарко, — сочетание форм настоящего-будущего совершенного и настоящего несовершенного создает разнообразие и контрастность в изображении действий: наступление факта в его целостности сменяется развивающимся процессом, длительностью, передаются соотношения предшествования и следования, чередования, последовательности и т. п.»⁴.

Итак, всякое переносное употребление, то есть синтаксическое употребление морфологических временных форм в опоре на контекст или ключевые опорные показатели грамматического времени — явление текстовое, поскольку оно существует и выявляется на базе связанного повествования, объединяя отрезки текста (а зачастую и весь текст) единым «текстовым» временным планом.

2) Наряду с настоящим историческим (*praesens historicum*) проф. Н. С. Поспеловым отмечено сугубо текстовое, описательное значение формы настоящего времени — «настоящее изобразительное», свойственное прозаически-описательному жанру. В отличие от переносного (релятивного)⁵ употребления форм настоящего времени здесь нет, по мнению Н. С. Поспелова, перенесения одного времени в план другого, а имеется лишь «переходная ступень» от конкретного «раскрытого» настоящего (в его реальном, прямом значении) к абстрактному обобщенному значению постоянного действия. Абстрагируясь от соответствующих оппозиций: настоящее/прошедшее; настоящее/будущее, оно выражает как бы «остановившееся» действие. В отличие от раскрытого настоящего, «изобразительное настоящее», «не передавая самого процесса осуществления действия, фиксирует действие как пребывающее в настоящем» (подчеркнуто нами — Б. Д.)⁶. И хотя действие на самом деле имело место в прошлом, такое употребление не теряет обобщенного значения настоящего времени, непосредственно отражающего реальную действительность в реальной временной протяженности. Здесь нет смещения временной перспективы, то есть ущемления длительного процесса в короткий отрезок времени, связанного с моментом речи. «Действие при этом наглядно воспроизводится в реально присущей ему длительности как налично действие, приписываемое субъекту в настоящем»⁷. В «настоящем изобразительном», таким образом, воспроизводится такое прошедшее, которое ущемляется в грамматическое понятие «момент речи» (в узком и широком смысле). «Изобразительное настоящее» в своем синтаксическом употреблении соотносительно с прошедшим несовершенным «в имперфектно изобразительном значении»⁸.

Такое употребление форм настоящего времени характеризуется для сложного синтаксического целого возникновением нового оттенка: «В случае прямого употреб-

⁴ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, указ. соч., с. 106—107.

⁵ Н. С. Поспелов между понятиями переносное и релятивное употребление ставил знак равенства, между тем как в современном понимании релятивность означает употребление одной формы по отношению к другой. Напр.: я знал, что ты уедешь — будущее здесь воспринимается лишь в отношении к прошедшему (знал), которое принимается за точку отсчета (т. е. будущее в прошедшем). См. об этом дальше.

⁶ Н. С. Поспелов. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке, в кн. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955. с. 220.

⁷ Н. С. Поспелов, там же, с. 219.

⁸ Н. С. Поспелов, там же, с. 220.

ления форм настоящего времени, наглядно отражающих прошлое, мы обнаруживаем не соотношение одновременности, а только совпадение во времени в качестве наличных, реальных явлений прошлого, обозначенных сказуемыми самостоятельных предложений, образующих сложные синтаксические единства⁹.

Характерное свойство сложных целых, образуемых предложениями со значением настоящего «изобразительного» — это их чистая сочетаемость с формами, обозначающими результативность (перспективность), а также, в связи с их нединамичностью, то есть изображением действия как «остановившегося», наличие в их составе опорных экзистенциальных номинативных предложений, между которыми устанавливаются отношения совпадения во времени. Происходит как бы чередование изобразительного настоящего с описательными строфами номинативного типа¹⁰, в которых явления только называются, а не воспроизводятся в динамике. Это подтверждается зачастую такими предикативными сочетаниями, где глагол лишь фиксирует характерный признак того или иного явления (светит солнце, ветер воет и т. п.).

Порывисто, как огромная издыхающая собака, воет ветер, мокрую тьму пронзают лучи прожекторов; голубые, холодные полосы прозрачного света пронзает серый бисер дождевых капель. Тоска. (Горький, Два босняка).

Все события, описанные в сложных синтаксических целых наглядны, обозримы, их реальная протяженность во времени соответствует тому временному отрезку, в течение которого их наблюдает и о них сообщает говорящий.

Следует также отметить, что для настоящего «изобразительного» больше характерны описания природы, окружающей среды, в которых автор выступает как лицо, наблюдающее эти события, а не принимающее в них участие, как это имело место чаще всего в *praesens' e historicum*.

3) Настоящее актуальное в значении конкретного настоящего не характерно для повествовательной прозы из-за отсутствия в нем элемента протяженности: в нем действие представлено не в процессе, а «внимание сосредоточено на том, что происходит в данный момент». Это частное временное значение связано с «конкретно-процессным значением несовершенного вида»¹¹. И напротив, употребление в текстах настоящего «расширенного» — явление весьма характерное для синтаксических единств. Оттенок этот обусловлен тем, что действие, хотя осуществляется в момент речи, то есть приурочено к нему (как и в настоящем момента речи, поэтому оно остается в пределах настоящего актуального), но оно охватывает также более или менее обширный отрезок прошлого и может предполагать и продолжение его в будущем.

Когда же план настоящего расширяется настолько, что речь идет уже о событиях и процессах постоянных, мы имеем «настоящее время постоянного действия». В нем связь с моментом речи еще наличествует. И поэтому опять-таки остается в пределах актуального, но оно настолько широкое, что заполняет собою «обширный план настоящего», причем в такой мере, что речь уже идет о действии, как о чем-то постоянном. (Ср. Жизнь идет. Кто не поспевает за ней, тот остается одиноким).

Наиболее характерными однако для текстового употребления являются формы настоящего обобщенного, где действия представлены как обычные повторяющиеся вне приуроченности к моменту речи (по Бондарко — неактуальные, точнее, его разновидность — абстрактное настоящее. В противоположность настоящему потенциальному, с оттенком модальности. Он играет на гитаре — в смысле: Он умеет играть).

На повторяемость обобщенного настоящего времени могут указывать и обстоятельствоносные распространители, например:

А иногда другой является призрак. Приходит из деревни... Огромный, мохнатый и оборванный, он бродит по саду, шагая обычно через кусты и грядки, бродит под балконами, грозит кулаком на окна и зловеще трясет кулаком. (Вересаев, Соч., т. II).

Однако и при отсутствии обстоятельств с данным значением, в сложных целых

⁹ Н. С. Поспелов, там же, с. 221.

¹⁰ Г. Я. Соляник, Синтаксическая стилистика, М., ВШ, 1973, с. 145.

¹¹ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Указ. соч., с. 92.

с указанным временным планом значение общности, постоянности, ординарности описываемых действий неизменно присутствует, распространяясь на весь смысловой отрезок текста. (При каждом обозначаемом действии потенциально возможен глагольный распространитель «обычно», «всегда» и т. п.).

Параллельное употребление настоящего обобщенного создает таким образом единый, общий временной план в синтаксическом единстве, где действия представлены как нелокализованные, не прикрепленные к какому-либо определенному отрезку времени и к какой-либо временной точке отсчета.

Обобщенное настоящее в связном тексте, как правило, осложняется дополнительными качественно-характеризующими оттенками. И действительно, постоянно повторяющиеся обычные действия, характеризующие то или иное лицо, — это уже не просто действия, а **определенные динамические признаки**, которые выражают **качественную характеристику** этого лица (ср.: Он **всегда, обычно** поступает так-то → он такой-то). Вневременность настоящего обобщенного выступает в таких случаях наиболее наглядно. Нарастивание же динамических характеристик в сложном синтаксическом единстве создает картину или описание с общим квалифицирующим значением. Например:

«В народе грех. А пламень растления **умножается...**, ежечасно сверху идет. **Наступает** в народе уединение: начинаются кулаки и мироеды; уже купец все больше и больше **желает** почестей, **стремится** показать себя образованным, образования не имея ни малю, а для сего гнусно **пренебрегает** древним обычаем и **стыдится** даже веры отцов. **Ездит** по князьям, а всего-то сам мужик порченый.

(Достоевский, Братья Карамазовы).

Обобщенный характер отрывка подчеркивается **лексическим обобщением** в собирательном значении слов «купец», «мужик» и т. д. Таким образом, «между значением общности, обобщенности и квалифицирующим оттенком есть внутренняя связь: действие, осуществляемое обычно, обладающее той или иной степенью регулярности, может стать признаком. Динамический признак субъекта становится вместе с тем признаком качественным»¹².

Таким образом, реальное (обобщенное) преимущественно грамматическое настоящее время так же, как и переносное его употребление, реализуется в контексте (в сложном целом), в котором оно не только наполняется конкретным содержанием, но и объединяет его общим и единым временным планом.

4) Своё прямое номинативное значение формы настоящего—будущего совершенного вида реализуют в контекстах со значением будущего. Выражаемое ими действие «как бы исходит от настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени»¹³. В сложном целом эти формы, объединяясь единым временным планом, представляют различные действия также в виде единого общего объективно осуществляемого процесса:

Вы **воротитесь** со звездами, и не иссякнет больше свет на земле. А при неугасаемом их свете **невозможной** станет такая жизнь как теперь. **Высохнут** болота. **Исчезнут** туманы. **Ярко зазеленеют** деревья. (Вересаев, соч., т. II).

Формы настоящего будущего времени совершенного вида, выражающие по своему основному грамматическому значению действия, достигающие предела, употребляясь наряду с формами настоящего, обозначают «короткие эпизоды, осуществляющиеся на фоне длящихся действий».

Таким образом, единство временного плана в сложном синтаксическом целом осуществляется значением длительного настоящего. Форма же будущего, если она

¹² А. В. Бондарко, Вид и время русского глагола, М., 1971, с. 70.

¹³ В. В. Виноградов, Русский язык, с. 574.

«заключает фразу, составленную из группы форм настоящего времени, указывает на край этой цепи, на ее предел»¹⁴. Например:

В дверях показывается заспанная фигура барыни,... она зевает и крестит рот. Иногда так постоит и уйдет, но в иной раз заглянет и в работы...

(С.-Щедрин, Господа Головлевы)

Таким образом, формы настоящего-будущего совершенного вида только при многократном употреблении способны выразить, хотя и многосложный, многопланный, но единый процесс, простирающийся от настоящего в будущее.

На фоне же других временных форм (чаще всего длительного настоящего) они выражают лишь момент, замыкающий эту длящуюся во временном плане цепочку действий.

5) Среди форм прошедшего времени наиболее характерным для жанра повествования является имперфект. И в этом плане он сходен с настоящим «изобразительным». Основное его значение—обозначать действие как процесс, совершившийся в прошлом, но не завершившийся. Для него существенна незавершенность действия в прошлом и разобщенность с планом настоящего¹⁵. О соотносительности функций прошедшего несовершенного и настоящего «изобразительного» в плане организации текста говорил в свое время Н. С. Поспелов. Виноградов же считал «описательность» основной функцией прошедшего несовершенного¹⁶.

Мне нравилась эта бойкая, разнообразная впечатлениями жизнь... Рабочий день начинался с шести часов утра и кипел безостановочно до десяти-одиннадцати вечера, а потом я уже был свободен от работы, и тут начиналось нечто непередаваемо хорошее и возвышавшее душу... Мы готовили чай, ставили стол и долго сидели разговаривая. Говорилось о разных житейских делах и о странных человеческих поступках... Рассказывались странные необъяснимые истории и случаи, иногда сказки, и чем позднее становилось, тем более разговор утрачивал грубый, скотский характер и принимал более чистый и человеческий. Это объяснялось тем, что луна так всегда ласково и нежно обливала реку, река задумчиво и увлекающе гудела под колесами парохода и мягким примиряющим звуком плескалась о берега...

(Горький, Биография)

В имперфекте, описывающем постоянные действия лица, также присутствует признак качественности (по словам А. А. Потебни «каков кто есть в силу прежде совершенного действия»)¹⁷. Зачастую, «качественно-описательный оттенок значения в форме прошедшего времени несовершенного вида выступает настолько рельефно, что она становится основным средством описательной характеристики свойств какого-нибудь лица или предмета. Например у Чехова в «Рассказе неизвестного человека»:

... Она пудрилась, красила брови и губы, затягивалась в корсет и носила турнир и браслет из монет»¹⁸.

При обычном, обобщенном употреблении прошедшего несовершенного эти формы (без специального указания на их повторяемость или длительность) выражают аористическое значение. В самой же форме нет указания на характер протекания действия: здесь существенно лишь «указание на само наличие действия в прошлом»¹⁹, вне его кратности, интенсивности или длительности. В таком имперфекте «изображается или отображается недифференцированное прошлое, прошлое как таковое, как ряд

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. Грамматика современного русского литературного языка, М., 70, с. 357.

¹⁶ См. В. В. Виноградов, Русский язык, с. 558.

¹⁷ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, М., 1958, с. 257.

¹⁸ См. В. В. Виноградов, Русский язык, с. 561.

¹⁹ Грамматика-70, с. 357.

моментов»²⁰. Такое употребление формы прошедшего времени несовершенного вида, «без ярко выраженного оттенка интенсивной повторяемости отчасти напоминает старинное значение и употребление аориста»²¹. В нем, таким образом, как бы стираются оттенки имперфективности. В связном текстовом употреблении, то есть при их повторяемости, они (эти формы с аористическим значением) выражают одновременность или совпадение действий во времени. Например:

Быт хорошо устроенного полка имел свою красоту, свою стройность, правда, для солдата, горькую. Павел Андреевич жил при казармах в двух комнатах с мебелью...

6) Принято считать, что в отличие от прошедшего несовершенного, не «двигающего события», прошедшее совершенное выражает динамику действия. Общее грамматическое значение прошедшего совершенного квалифицируется обычно как время прошедшего действия с оттенком результативности, то есть с «совершившимся результатом» и остающимся «при отсутствии противопозаказаний вплоть до момента речи»²² (перфективное значение).

Однако в прошедшем совершенном также четко вычленяется и оттенок аористичности. Это «расщепление» значения прошедшего совершенного на перфективность и аористичность оказалась чрезвычайно существенным для **текстового употребления**, так как именно при наличии разобщенности с планом настоящего (то есть при аористичности) создается описываемая В. В. Виноградовым динамика следования событий друг за другом: «В повествовательном стиле движение форм прошедшего времени совершенного вида создает смену вытесняющих друг друга действий и их результатов в хронологической последовательности... Прошедшее время совершенного вида, свойственное быстрому рассказу, повествованию, отличается динамизмом»²³.

Этот эксцентрик родился в семье цехового в селе Покровском, на Волге. За умение хорошо декламировать попал в гимназию. **Кончил. Пошел** в университет филологом и здесь занялся теорией анекдотов (Шкловский, собр. соч., т. 2).

Напротив же, значения перфективные в противоположность сложившемуся мнению, впервые совершенно справедливо отмечены А. В. Бондарко как такие, при сочетании которых «в контексте возникает не «цепь» сменяющих друг друга последовательных действий», как это всегда бывает при сочетании нескольких форм в аористическом значении, а «пучок» одновременных состояний»²⁴.

Перфективность, результативность, остающаяся актуальной до момента речи, подчеркивается грамматической синонимичностью форм прошедшего совершенного и форм страдательных причастий. Сочетание этих характеристик в сложном целом и составляет единство признаков-состояний, присущих одному или ряду предметов в плане одновременности.

Например, у М. Пришвина, где результаты прошедших действий мыслятся как различные состояния, пребывающие в момент речи и объединенные этим периодом времени: **Кончились** майские холода, **Зажухла** черемуха. Зато **наметились** бутоны рябины и **расцвела** сирень.

Это означает: В результате того, что **кончились** майские холода черемуха **находится** в состоянии угнетения (пожухла), сирень — в состоянии цветения, рябина — в состоянии, **предшествующем цветению** и т. п. Все это объединено планом одновременности (в период, совпадающий с моментом речи, но не всегда им ограничиваемый).

7) Для характеристики временного плана сложного синтаксического целого весьма существенную роль играет функция «зачина» и его взаимосвязь с остальной частью текста. Так, принято считать, что «зачин», как правило, создает **временной фон** повествования. Это положение, однако, нуждается в уточнении: в качестве создателя временного фона могут функционировать лишь такие фразы, которые обоз-

²⁰ Н. С. Поспелов, О значении форм прошедшего времени на л в современном русском лит. яз., Уч. зап. МГУ, кн. I, вып. 128, с. 100.

²¹ В. В. Виноградов, Русский язык, с. 558.

²² См. там же, с. 562.

²³ В. В. Виноградов, Русский язык, с. 663.

²⁴ См. А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, указ. соч., с. 91.

начают по длительности отрезков времени, способный вместить в себя (в свой временной отрезок) другие процессы, факты на его же фоне, в таком же временном плане. Это чаще всего фразы, вводящие текст, представленные коммуникативно нечленными предложениями, выражающие имперфективность, нелокализованность во времени, наглядность. И только такие имперфективные «зачины» составляют со всем последующим повествованием единый временной план прошедшего неопределенного.

Если в сложном целом все предложения, подчиняемые зачину, также выражают имперфективность (идеальный случай), то общий временной план лишь подчеркивается, как бы задается определенный тон для последующей перспективы или развертывания событий. Семантическая однородность в таких случаях обусловлена грамматической однородностью составных частей сложного целого. По временному же знанию компоненты сложного целого не противопоставлены зачину.

Была грустная августовская ночь — грустная потому, что уже пахло осенью; покрытая багровым облаком восходила луна и еле-еле освещала дорогу и по сторонам ее темные, озимые поля. (Чехов, Степь).

Несовпадение по формам времени сказуемых других предложений с временным зачином не изменяет общего временного плана отрезка в целом. Напротив, вклиниваемые в текст отдельные формы обобщенного настоящего («изобразительного»), а также будущего совершенного как бы автоматически подчиняются временному имперфективному зачину, вступая с ним (а также с другими предложениями в тексте) в синонимические временные значения прошедшего длительного.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре. И едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать...

Указанным «уподоблением» форм настоящего формам прошедшего несовершенного подчеркивается характерная для него функция текстности.

В пользу текстности имперфекта говорит также и тот факт, что при имперфективных формах в повествованиях, изображающих и размещающих события как бы в одной плоскости, отдельные формы совершенного вида не изменяют временной характеристики «повествовательного пласта», а лишь «скрепляют его и включают в общее сюжетное движение»²⁵. Например:

Был чудесный июльский день. Один из тех дней, который случается только тогда, когда погода установилась надолго. (Тургенев, Записки охотника).

Таким образом, грамматическое время, присущее форме слова или (в его синтаксической интерпретации) предложению как его определенный парадигматический формальный признак, свое подлинное прочтение получает не в самой форме слова или предложения, а, как правило, на более высоком синтаксическом уровне — в сверхфразовом единстве или сложном синтаксическом целом.

Иными словами, грамматическое время, выражаясь морфологически и синтаксически, представляет категорию «текстовую», так как реализует свои грамматические значения в контексте, в сложном синтаксическом целом. Перекрещивание и смена временных планов на протяжении большого отрезка текста подчеркивают текстообразующую силу категории времени: они связаны с содержательной, а также с эмоционально-экспрессивной стороной повествования.

Բ. Ն. ԳԻՄԱՐՍԿԱՅԱ-ՐԱՐԱՆՅԱՆ — Ժամանակային պլանի միասնությունը բարդ շարանյութական ամբողջի մեջ. — Ժամանակի կատեգորիայի տվյալ մեկնարանությունն նորությամբ նրա ընդլայնված ըմբռնումն է, քանի որ քերականական ժամանակը, նրա պատկանական բացատրության հետ մեկտեղ բնութագրվում է նաև «տեքստային» ընդհանրացված ժամանակային պլանով: Այդպիսի ընդլայնված բնութագիր ունեն ժամանակային նշանակությունների իրացման բոլոր սելյատիվ եզանակները, «ընդլայնված» ներկայի, «նկարագրող» անցյալի ձևերը և այլն: Այսպիսով, ժամանակի կարգը օժտված է տեքստակազմիչ ուժով, որը կապված է շարագրանքի պատումի բովանդակային և հուզական-զգացական կողմի հետ:

²⁵ Г. А. Золотова, Структура сложного синтаксического целого в Карамзинской повести, Труды ин-та языкознания, III, 1954, с. 97.